

КРИЗИС ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА

Волкова Л. В.

*доцент, кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии и социально-политических технологий
Российского государственного университета нефти и газа
(национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,
г. Москва, Россия
volkovasocio@mail.ru*

THE CRISIS OF EDUCATION AS A RESULT OF TRANSFORMATION OF SOCIAL ORDER

Volkova L

*Associate Professor, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Department of Philosophy and Socio-Political Technologies,
Russian State University of Oil and Gas
(National Research University) named after I.M. Gubkin,
Moscow, Russia
volkovasocio@mail.ru*

Аннотация

Работа посвящена выявлению причин кризиса современного образования. Анализ социального заказа основных акторов в сфере образования показывает изменение функций образования, развивающегося по неолиберальному сценарию. Противоречие данной модели с базисными потребностями общества, науки и больших социальных групп порождает кризисные явления. Преодоление их в рамках неолиберальной модели не представляется возможным.

Annotation

The work is devoted to identifying the causes of the crisis of modern education. Analysis of the social order of the main actors in the field of education shows a change in the functions of education, which is developing according to the neoliberal scenario. The contradiction of this model with the basic needs of

society, science and large social groups gives rise to crisis processes. Overcoming them within the neoliberal model is not possible.

Ключевые слова: образование, реформы, функции, социальный заказ, неолиберализм, консьюмеризм.

Key words: education, reforms, functions, social order, neoliberalism, consumerism.

В последние десятилетия XX века общество и его институты стали все отчетливее осознавать наступление новой эпохи и необходимость изменения сложившихся систем образования как устаревших и не соответствующих новым реалиям. С этого времени мы наблюдаем в разных странах и регионах перманентные процессы реформ образования и такие же перманентные неудачи этих реформ практически повсеместно. Почему это происходит? В данной работе мы попытались методами анализа, сравнения, обобщения, систематизировать многочисленные попытки исследователей ответить на этот вопрос, сопоставить их с имеющимися эмпирическими данными (в том числе нашими многолетними исследованиями) и выделить главные, по нашему мнению причины кризиса образования в начале нового тысячелетия.

Методологическими рамками исследования были выбраны концепции «постиндустриального общества» (Д. Белл) и «текущей модерности» З. Баумана, и структурно-функциональный анализ. Ключевой исследовательский вопрос был сформулирован так: «Почему в эпоху стремительного научно-технического развития, четвертой промышленной революции образование переживает тяжелый кризис, и приемлемые пути выхода из него пока не найдены?»

Система образования, как любой социальный институт, выполняет функции, ориентированные на общественные потребности. Потребности, преломляясь через интересы социальных субъектов, приобретают форму социального заказа, меняющегося вследствие социальной и культурной

динамики. Очевидно, что заказы эпохи Просвещения, Модернити и Постмодерна не могут быть идентичными, как в силу цивилизационных различий, так и вследствие изменения статуса, интересов и позиций субъектов, формирующих эти заказы сфере образования. Отсюда вытекает динамичность функций образования в ходе социального развития. Набор этих функций и эффективность их выполнения определяют состояние образование и его соответствие потребностям общества в конкретный исторический период. Однако, именно функциям современного образования уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания в научных исследованиях и в управленческой деятельности. Большая часть работ основывается на исследованиях прошлого столетия, и, с учетом скорости происходящих социальных изменений, недостаточно адекватно отражает современную ситуацию.

Наиболее распространенная классификация функций образования:

- социально-экономические, связанные с развитием человеческого капитала, удовлетворением потребностей рынка труда в профессиональных кадрах;
- социально-политические, реализация которых позволяет обеспечить безопасность общества в самом широком ее понимании, социальный контроль, социальную мобильность, устойчивое развитие общества и включенность в общецивилизационные процессы;
- культуротворческие, направленные на развитие духовной жизни общества, так как образование не только непосредственно влияет на формирование личности, но и закладывает чувство социальной ответственности, позволяет сохранить, развивать и транслировать духовное наследие. [1,2]

Зависимость функций образования от структуры и содержания социального заказа требует анализа интересов, позиций, стратегий основных субъектов, или акторов в сфере образования.

Первый субъект - государство. Он включает чиновников всех уровней, представителей государственных или аффилированных с ними исследовательских структур, а также руководителей образовательных учреждений «новой формации» - «современных менеджеров», пришедшие к руководству вследствие прямого назначения «сверху».

Степень консолидации внутри этого субъекта очень высока. Декларируемые цели реформ: развитие человеческого капитала, повышение доступности и качества образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

Приведем выдержку из Паспорта национального проекта «Образование»:

«2. Цели, целевые и дополнительные показатели национального проекта

1. Цель: обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования;

1.1 средневзвешенный результат Российской Федерации в группе международных исследований, место Российской Федерации (не ниже)

1.2 позиция Российской Федерации в международном соревновательном рейтинге стран, готовящих выпускников (молодых специалистов) по современным требованиям в совокупном балльном исчислении

2. Цель: воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций;

1.1 доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием, %

1.2. численность обучающихся, вовлеченных в деятельность общественных объединений, в т.ч. волонтерских и добровольческих, млн. человек накопительным итогом». [3]

Мы видим, что цели и критерии оценки строятся исключительно на формальных количественных показателях. При этом связь предлагаемых показателей с достижением поставленных целей не раскрывается.

Приведем типичные высказывания представителей данного субъекта:

«Надо приблизить учебные программы к запросам рынка труда. Выпускники вузов должны получить уровень компетенций, который позволит им быть конкурентоспособными. Вот что принципиально важно. [4]

«Университеты больше не обители «мастеров», передающих знания своим ученикам, а образовательные супермаркеты... Это делает образование максимально ориентированным на потребителя и маркетизированным». «Ключевые направления — известный в мировом и отечественном образовательном пространстве вуз, современная инфраструктура, креативные преподаватели, студенты, получающие востребованные знания и возможность сделать карьеру». [5]

Таким образом, социальный заказ государства главный акцент ставит на экономических и политических функциях образования, таких как конкурентоспособность, экономический рост, экономическая эффективность, национальная безопасность. Запрос на культурные функции формален и сведен к количественным показателям охвата.

Вторым ключевым субъектом выступают обучающиеся – главным образом, молодежь. Практически во всех исследованиях мировоззрения и ценностей молодежи [6,7,8] можно наблюдать одну и ту же иерархию целей и средств. Респонденты сообщают, что хотят иметь крепкую семью, высокооплачиваемую работу, обеспечить себя и близких материально. Такие цели, как «сделать мир лучше», «внести вклад в процветание своей страны», выбирает 6–8 %. На вопрос о качествах, нужных современному человеку, наиболее популярны ответы: «уверенность в себе», «предприимчивость, инициативность», «сила», «удачливость». «Честность» и «доброту» выбирают не более 4–6 % . Это и не удивительно, отмечает Т.А. Хагуров - ведь их призывают быть конкурентоспособными и

эффективными. Они слушаются. Между тем, еще Р. Мертон указывал, что эти ценности одинаково подходят и для успешного бизнесмена, и для успешного преступника - и тот и другой стремятся к конкурентоспособности и эффективности. [7,9]

Как считает Н.Е. Покровский, «потребители... образования, в том числе и в России, прежде всего ценят: его доступность или “удобность”, то есть максимальное сокращение физических усилий для получения искомого результата; экономическую усредненность и эффективность (“платить меньше — получать больше”); упакованность учебных программ в яркие функциональные упаковки, облегчающие потребление “товара”, в качестве которого выступают знания и умения; максимальную коммерческую реализуемость полученных знаний» [10, с.72]. В.В. Радаев пишет: «Современные студенты <...> считают, что должны быть успешными, сразу зарабатывать деньги, причём большие деньги. <...> Их буквально трясет, начиная чуть ли не с начальных курсов: а тому ли меня учат? А зачем нам эта математика или философия? А нужен ли я на рынке? А кем я буду работать? и т. д. Они требуют больше прикладных вещей, которые востребованы прямо сейчас. <...> Это принимает форму устойчивого прагматического психоза» [11, с.63]. И значительная доля молодых людей, готовых уехать в поисках лучшего образования, работы, жизни за границу, также есть проявление консьюмеристского подхода: не даете нужного здесь — будем искать в других местах.

Третья группа заказчиков - родители. Большинство родителей боятся, что их сочтут «плохими», если они не обеспечат своим детям поступление в вуз. При этом почти 70% родителей готовы платить за образование детей в вузе, вне зависимости от региона проживания и даже уровня доходов семьи (исключая самых бедных). Суть их социального заказа — сугубо экономическая, связанная с пополнением человеческого капитала своих детей, и не зависящая от реальных возможностей его дальнейшей конвертации, структуры экономики и потребностей рынка труда.

Стремление родителей дать детям во что бы то ни стало высшее образование во многом обусловлено их собственным трудовым опытом и желанием для детей «лучшей жизни», и получение высшего образования рассматривается как пропуск в эту хорошую жизнь с чистой работой. Оно объективно опирается на то, что премия за высшее образование в России (отношение заработной платы работников с высшим образованием к заработной плате работников со средним профессиональным и общим образованием) стабильно остается высокой. [12]

Четвертый субъект – работодатели (как в бизнесе, так и в госструктурах), запросы которых объективно сводят образование к экономической составляющей. Необходимость получать и наращивать прибыль требует минимизации издержек, а, следовательно, работодатель стремится получить подготовленную, но дешевую рабочую силу в количестве, обеспечивающую ему возможности выбора нужных работников. Конкуренция и разобщенность не позволяет бизнесу сформулировать четкие содержательные запросы к институту образования, поэтому современный работодатель предпочитает для большинства работ специалистов с высшим образованием. Многие считают, что только высшее образование дает необходимые в современной жизни коммуникативные навыки и, хотя бы частично, ликвидирует пробелы в школьном образовании, качество которого оценивается работодателями низко . [13]

Мы видим, что современный социальный заказ к образованию сводится, почти исключительно, к экономическим функциям. Политические и культурные артикулируются только государством, но в основном в форме деклараций, слабо подкрепленных эффективными управленческими действиями и финансовыми ресурсами. Вследствие этого образование в последние десятилетия из социального блага, направленного на развитие личности и общества, превращается в коммерческую услугу, увеличивающую, по крайней мере, формально, человеческий капитал.

Причина этого, очень четко, по нашему мнению, сформулированная Т.А. Хагуровым, состоит в том, что постмодернистское общество усилиями элит, стремившихся любой ценой сохранить свой статус, унаследовало от предыдущей эпохи главное – идеологию потребления, неолиберализм. Вместо научно-технического творчества господствующим сектором экономики стал сектор услуг. Инструментами реализации этого проекта выступают раскрепощение иррационального в человеке (желание, безудержное потребительство) и финансовый тоталитаризм. Деньги из элемента (средства обмена) экономической системы превратились в её ключевой фактор. В результате финансовая сфера поглотила и заставила функционировать по своим законам другие сферы жизни общества, ранее сохранявшие относительную автономность: культуру, право, образование и прочее. Формула «образование как услуга» — отражение культуры общества потребления с его финансовым тоталитаризмом. [7]

Деятельность, связанная с наукой, образованием, высокими технологиями начала приносить всё более высокие доходы, приводя к росту значимости и престижа высшего образования. Осознание выгоды высшего образования породило массовый спрос на него. Тогда же началось сращивание образования и бизнеса, обнаружившего высокую эффективность инвестиций в образование. Сформировалась парадигма «образовательных услуг». Такая ситуация сохранялась с 60-х до 90-х годов прошлого века, пока, в строгом соответствии с законами спроса и предложения качество образования не начало отчетливо и быстро снижаться.

Массовизация и консьюмеризм как социальный запрос исказили саму сущность образования, изменили соотношение его функций и, как следствие, девальвировали его результаты. [14] Если исходить из логики рынка, любой товар, становясь массовым, должен неизбежно потерять в качестве, иначе нужное количество при ограниченных ресурсах просто невозможно произвести. Вместо развития личности и приращения знаний результатом образования стал суррогат - «человеческий капитал», выраженный, в

основном, формальными показателями и все труднее конвертируемый на переизбыточном рынке.

Реформирование образования осуществляется в соответствии все с той же неолиберальной моделью. Ее рыночная логика требует либо сокращения спроса, либо привлечения дополнительных ресурсов. Первое – трудно осуществимо, поскольку противоречит интересам огромной части населения и чревато социальными взрывами. Второе – слишком дорого, если использовать качественные ресурсы. И здесь на помощь реформаторам приходят информационные технологии, предъявляемые обществу как смысл будущего и средство решения всех проблем. [15,16,17,18] Их роль в образовании и других сферах абсолютизируется, они начинают преподноситься как содержательная и технологическая панацея. Обучающий человек становится лишним в образовательном процессе (значительное снижение издержек), а тиражируемость информации экспоненциально возрастает (и прибыль, соответственно). С экономической точки зрения модель весьма эффективна, с позиции общих потребностей социального развития – сомнительна.

Реформы образования, осуществляемые государством в интересах крупного бизнеса и аффилированных с ним политических и образовательных элит, противоречат интересам неэлитных социальных групп, усугубляют социальное неравенство, как внутри стран, так и в глобальном масштабе. [19] Они разрушают преемственность культуры и сущность образования (стремление к знаниям, а не к деньгам), противоречат интересам науки, лишаящейся социальной базы для дальнейшего развития. Научное и образовательное сообщество осознанно сопротивляется таким изменениям, учащиеся и родители сопротивляются интуитивно. И пока реформирование образования ведется в рамках неолиберальной модели, кризис образования будет сохраняться и углубляться.

Список литературы

1. Современные проблемы науки и образования : учебное пособие [Текст] / Авторы-составители: Г.Я. Гревцева, М.В. Циулина. – Челябинск: Изд-во «Цицero», 2015. – 200с.
2. Современные проблемы образования и инновационные процессы : учеб. пособие для вузов / Г.А. Громов, М.В. Жарова, В.В. Тимченко, С.Ю. Трапицын. –Санкт-Петербург : Акад. исслед. культуры, 2008. –С. 58–61.
3. Паспорт национального проекта "Образование" // URL: <http://www.econom22.ru/pnp/natsionalnye-proekty-programmy/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf> (Дата обращения: 22.02.2019)
4. Интервью Михаила Котюкова Российской газете. 13.02.2019 // URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=1068 (Дата обращения: 22.02.2019)
5. Чернышов С. Незаменимые у нас есть // «Expert Online» 18 май 2015. - <http://expert.ru/siberia/2015/21/nezamenimyye-u-nas-est/?n=171> (Дата обращения: 28.02.2019)
6. Константиновский Д.Л. Новая молодежь в новой реальности образования / Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сборник научных трудов. М.: Центр социологических исследований, 2016 – 384 с.
7. Хагуров Т.А. Кризис модерна и образование // Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. — Вып. 10. М. ; СПб. : Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. — С. 221-242.
8. Филатова М.Н., Вершинина И.А., Волкова Л.В., Гусейнова Ф.Д., Симон М.Е. Обратная связь с субъектами образовательного процесса 2012-2014 гг. Результаты социологических исследований. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2015. – 168 с.
9. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. N 2–4.
10. Покровский Н.Е. О совершенствовании преподавания теоретико-социологических дисциплин // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 69–76.
11. Радаев В.В. Студент — жертва устойчивого прагматического психо-за // Политический журнал. 2005. N 34 (85). С. 63–65.
12. Клячко, Т. Л., Мау, В. А. Будущее университетов / Т. Л. Клячко, В.А. Мау. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015
13. Аврамова Е. М., Беляков С. А., Левинсон А. Г., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А. Требования работодателей к работнику. М.: МАКС ПРЕСС, 2006

14. Вершинина И. А., Павлова В. Г. Образование и глобализация: социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2011. № 3. С. 173–189.
15. Смирнова О.М. Электронное образовательное пространство - риски и перспективы // В сборнике: Опорный университет в международном электронном пространстве Материалы V Международной научно-практической видеоконференции. Под ред. С.М. Моор . Тюмень, 2018. С. 62-64.
16. Балычева М.Б. Использование интернет-ресурсов в гуманитарном образовании студентов. // Современные технологии обучения и развитие социальных компетенций студенчества. - Москва - 2006 - С. 90-97.
17. Смирнова О.М., Юдина М.Е., Балычева М.Б. Риски цифровой экономики и мифологемы рациональности // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи. - Материалы III Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения. РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина. – 2018 - С. 186-192.
18. Добринская Д. Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1. С. 52–70. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70
19. Мартыненко Т. С. Трансформация социального неравенства в «эпоху доступа» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 161–170.